

Научная статья

DOI: 10.15393/j9.art.2022.10723

EDN: JGAERB

Мотив оборотничества в русских свадебных приговорах

Ю. А. Крашенинникова

*Институт языка, литературы и истории ФИЦ Коми НЦ УрО РАН
(г. Сыктывкар, Российская Федерация)*

e-mail: krashennikova@rambler.ru

Аннотация. В статье проанализированы русские свадебные приговоры, в которых реализован мотив оборотничества. Эти тексты являлись частью приговоров-диалогов, которые произносили представители рода жениха (дружка, крестный отец жениха и др.) и рода невесты (брат, отец невесты, особый «староста» и др.) перед закрытыми дверями дома невесты. Мотив оборотничества в свадебных приговорах по вербальной манифестации и стилистике близок к свадебным причитаниям и волшебной сказке. Для текстов приговоров характерно самостоятельное добровольное превращение невесты и жениха; невеста всегда проходит через это, жених для получения невесты остается в человеческом облике или оборачивается вслед за ней. Невеста перевоплощается в разных представителей орнито-, зоо-, ихтиофауны. Самым частотным является образ белой лебеди, отмеченный и в кижско-пудожской, и в мезенской традициях. Вторыми по частотности являются образ щуки, отмеченный в лешуконско-мезенских поздних записях 1970-х гг., и образ лисицы, имеющий более дисперсное распространение и протяженное время фиксации. Превращение девушки-невесты в кольцо — еще одна особенность мотива оборотничества, которая сближает свадебный приговор и сказку. Действия жениха в мотиве оборотничества различаются по степени приложения им усилий — жених самостоятельно добывает невесту или привлекает помощников, с которыми связан отношениями знакомства, родства (поезжане, дружка, дружина) или случайной встречей, состоявшейся в процессе поиска невесты (образ чудесного помощника). Использование чудесных средств, волшебных предметов или содействие волшебного помощника отмечены в редких записях приговоров, эти образы являются по преимуществу приметой индивидуального стиля и мастерства конкретных исполнителей, такие тексты фиксируются, как правило, в единичных вариантах.

Ключевые слова: свадебный обряд, русские свадебные приговоры, мотив оборотничества, фольклор, чудесный помощник

Благодарность. Статья подготовлена в рамках плановой темы НИР (per. № 121051400044-2).

Для цитирования: Крашенинникова Ю. А. Мотив оборотничества в русских свадебных приговорах // Проблемы исторической поэтики. 2022. Т. 20. № 3. С. 7–28. DOI: 10.15393/j9.art.2022.10723. EDN: JGAERB

Original article

DOI: 10.15393/j9.art.2022.10723

EDN: JGAERB

Shapeshifting Motifs in Russian Wedding Incantations

Yulia A. Krasheninnikova

*Institute of Language, Literature and History Federal Research Center
of Komi Scientific Center of Ural Branch, Russian Academy of Sciences
(Syktyvkar, Russian Federation)*

e-mail: krasheninnikova@rambler.ru

Abstract. This work is devoted to the analysis of Russian wedding incantations that contain shapeshifting motifs. They are a part of the dialogues pronounced by the representatives of the groom's family (best man, the groom's godfather, etc.) and the bride's family (brother, father of the bride, a special "elder," etc.) near the closed doors of the bride's house. The shapeshifting motifs in wedding incantations is related to wedding lamentations and fairy tales in its verbal manifestation and style. The incantation texts are characterized by an independent voluntary transformation of the bride and the groom; the bride always goes through a transformation; the groom remains in a human image or transforms after her in order to get the bride. The bride transforms into different representatives of ornitho-, zoo- and ichthyofauna. The image of a white swan, registered in the Kizhi, Pudozhskay and Mezen' traditions, is the most frequent. The second frequent are the images of a pike, noted in the late records of the 1970s from Arkhangelsk province (Leshukonsky and Mezensky area), and the image of a fox. The transformation of the bride into a ring is another feature of the shapeshifting motifs, which aligns wedding incantations and fairy tales even more. The groom's actions in the shapeshifting motif differ in the degree of his efforts — whether the groom procures the bride himself or engages helpers to whom he is connected by familiarity, by kinship (best man, other participants of the wedding procession) or by a chance meeting, which took place during the search for the bride (a miraculous helper). The using of miraculous means, magic objects or the assistance of a magic helper are rarely present in incantation recordings; these images are mostly a sign of individual style and skill of particular performers, and the texts that contain them are typically recorded in isolated cases.

Keywords: wedding ritual, Russian wedding speeches, shapeshifting motifs, folklore, wonderful helper

Acknowledgments. The article has been prepared under assignment of research no. 121051400044-2.

For citation: Krashennnikova Yu. A. Shapeshifting Motifs in Russian Wedding Incantations. In: *Problemy istoricheskoy poetiki* [*The Problems of Historical Poetics*], 2022, vol. 20, no. 3, pp. 7–28. DOI: 10.15393/j9.art.2022.10723. EDN: JGAERB (In Russ.)

Б. Н. Путилов в одной из своих работ «О процессе жанрообразования в фольклоре» предлагал «гипотетическую схему» [Путилов, 1980: 197] образования и эволюции фольклорных жанров, согласно которой формирование классических жанров русского фольклора шло двумя способами: трансформационным и нетрансформационным. При первом новые жанры возникают в результате трансформации, носившей качественный характер, они формируются на основе «старых систем», которые, дав жизнь вновь возникшим жанрам, разрушаются и поглощаются последними (например, героический эпос, календарная поэзия, разновидности сказки, причитания по умершим и др.) [Путилов, 1980: 197, 198]. При втором способе появление новых жанров и разновидностей обусловлено реальными народными жизненными потребностями; возникающие фольклорные жанры формируются на основе творческого переосмысления и художественной переработки живой традиции, на позднем этапе их развития очевидна структурообразующая роль литературы (разновидности лирической песни, частушка, исторические песни, некоторые виды свадебного фольклора и др.) [Путилов, 1980: 198]. Нахождение тех структурно-жанровых элементов, которые «привлекались» в процессе формирования, обнаружение связующих нитей Б. Н. Путилов видел важным «для понимания сущности структурных и образно-стилевых особенностей нового жанра» [Путилов, 1980: 198]¹.

Мы придерживаемся той точки зрения, что жанр свадебных приговоров развивался по второму, нетрансформационному, пути, в котором приговоры были достаточно активной «принимающей», «заимствующей» стороной. Наблюдения, сделанные нами ранее², позволили заключить, что этот жанр

¹ Позднее идея о трансформационном типе варьирования была развёрнута Б. Н. Путиловым в монографии «Фольклор и народная культура» [Путилов, 2003].

² Некоторые работы указаны в статье [Крашенинникова: 10, сн. 1].

в русской фольклорной традиции активно развивался не только за счет своих внутренних ресурсов, но и за счет других фольклорных жанров. В текстах приговоров обнаруживаются «отсылки» к заговорно-заклинательной поэзии, причитаниям, обрядовой лирике, духовным стихам, паремиям, рождественским обрядовым песням, сказочному эпосу; отметим и включение таких маргинальных текстов, как предписания, благопожелания, запреты и проч. Можно говорить и о влиянии книжной традиции, литературной «составляющей» фольклорных текстов (евангельские повествования, апокрифы, лубочные картинки, демократическая сатира, авторская поэзия и др.). Обращение к другим жанрам в части использования мотивов, художественно-стилистического репертуара, включение фрагментов фольклорных и литературных произведений (в разной степени переработанных и переосмысленных исполнителями свадебных приговоров) — случаи многочисленные, но по большей части являются индивидуальной импровизацией создателей свадебных приговоров. Однако совокупно они демонстрируют системные механизмы развития жанра.

Тексты, реализующие мотив оборотничества³, являются частью приговоров-диалогов, которые произносили представители рода жениха (дружка, крестный отец жениха и др.) и рода невесты (брат, отец невесты, особый «староста» и др.) перед закрытыми дверями дома невесты. В связи с этим мотивом нас интересует несколько вопросов: благодаря каким жанрам этот мотив получил развитие в репертуаре свадебных дружек, особенности вербальной манифестации мотива оборотничества в приговорах в сравнении с другими жанрами.

География

В известном нам корпусе текстов приговоров с интересующим нас мотивом отмечены в севернорусских записях (18 единиц, 1877–1926 гг. и 1975–1989 гг.), по большей части из Олонецкой и Архангельской губерний. На территории Олонецкой губернии «центр» распространения мотива приходится на

³ Первой этот мотив выделила и обозначила А. К. Мореева [Мореева: 118].

кижско-пудожскую традицию⁴ (*Агренева-Славянская*: 42–45; *Колобов*: 60–62, Пудожский у.; *Лысанов*: 87, Заонежье; *Малиновский*: 36, Каргопольский у.; *Кузнецова, Логинов*: 150, 158, дд. Речка, Демеховская, Заонежье, 1983, 1986; РГАЛИ. Ф. 1456. Оп. 1. Ед. хр. 5. Лл. 4–4 об. Д. Кургеницы, Заонежье, 1926; РГАЛИ. Ф. 1456. Оп. 1. Ед. хр. 5. Лл. 8 об. — 10. Д. Речка, Заонежье, 1926; РГАЛИ. Ф. 1456. Оп. 1. Ед. хр. 5. Лл. 26 об. — 27 об. Д. Потаневщина, Заонежье, 1926). В архангельских записях преобладают тексты из мезенской традиции (*Ефименко*: 130–131, г. Онега Архангельской губ.; АКФ МГУ: ФЭ-11:1854, Лешуконский р-н, 1976; АКФ МГУ: ФЭ-10:5606; 10:5776-5778, Мезенский р-н, 1975; ИРЛИ. Кол. 318F, 1003.01; 1014.04, Мезенский р-н, 1975; СыктГУ: 0720-35, с. Несь НАО, 1989). Единичные записи зафиксированы на вологодской (РЭМ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 131. Л. 4. Вологодский у., 1899), новгородской (РГО. Р. 24. Оп. 1. Ед. хр. 33. Л. 112. Боровичский у., 1895; *Воронов*: 20, Устюжинский у.) территориях.

Содержание

В общих чертах, весьма схематично, «опуская эпические подробности» [Миллер], реализацию мотива оборотничества в олонецких приговорах-диалогах описал О. Ф. Миллер в рецензии на издание «Описание русской крестьянской свадьбы...», подготовленное О. Х. Агреновой-Славянской (*Агренева-Славянская*):

«Староста: Повернулась она белой горностаюшкой.
Дружка: Стрелял он (жених. — Ю. К.) там по горностаюшке.
Староста: Повернулась она уловной рыбинькой.
Дружка: Брал он плутьевки серебряны
Изловить да белу рыбиньку.
Староста: Обернулась она лебедушкой.
Дружка: Снаряжался он скорешенько
Изловить хотел лебедь белую...
Как пустил в нее он тятевкой,
Пустил пух ея по поднебесью,
Ранил в сердце свою лебедь белую» [Миллер].

⁴ Ранее В. П. Кузнецова на материале свадебных причитаний высказала мнение о существовании «вполне ощутимого единства фольклорных традиций Заонежья и Пудожья» [Кузнецова: 29].

В приведенном выше фрагменте оборотничество — односторонний процесс: невеста наделена способностью самостоятельно превращаться в «белую горностаюшку», «уловную рыбиньку», «лебедушку», а жених, оставаясь в своем облике, добывает ее с помощью подручных средств. Между тем анализ попавших в поле нашего зрения записей показывает существенно больший разброс вариантов в плане: 1) перечня существ и предметов, в которые оборачиваются главные персонажи ритуала; 2) мест локализации после превращения (для невесты); 3) способов добычи невесты (для жениха).

Так, в перечне существ и предметов, в которые превращается невеста, выделяется несколько групп:

1. Птицы:

- **лебедь** (РГАЛИ. Ф. 1456. Оп. 1. Ед. хр. 5. Л. 27. Д. Потаневщина, Заонежье, 1926); вар.: **белая лебедь**, 11 зап.⁵ (РЭМ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 131. Л. 4. Вологодский у. Вологодской губ., 1899; АКФ МГУ: ФЭ-10:5606, ФЭ-10:5776-5778, Мезенский р-н Архангельской обл., 1975; РГАЛИ. Ф. 1456. Оп. 1. Ед. хр. 46. Л. 5. Д. Речка, Заонежье, 1926; РГАЛИ. Ф. 1456. Оп. 1. Ед. хр. 5. Л. 4. Д. Кургеницы, Заонежье, 1926; ИРЛИ. Кол. 318F, 1014.04. Мезенский р-н Архангельской обл., 1975; СыктГУ: 0720-35, с. Несь НАО, 1989; *Ефименко*: 131, г. Онега Архангельской губ.; *Лысанов*: 87, Олонецкой губ.; *Кузнецова, Логинов*: 150, 158, дд. Речка, Демеховская, Заонежье, 1983, 1986); **лебедушка** (*Агренева-Славянская*: 44, Олонецкая губ.);

- **утка**; вар: **водоплавная серая утушка** (*Колобов*: 60, Пудожский у. Олонецкой губ.); **сизая утка** (из ответной реплики дружки⁶) (*Воронов*: 20, Устюжинский у. Новгородской губ.);

⁵ Указываем количество записей; если вариант единичный, то такого указания нет.

⁶ <...> Посаженный отец:

— Я бы рад постараться. Была девица в гнезде да вспорхнула, взвилась и улетела в синее море.

Дружка:

— У нас есть гребцы-молодцы, рыболовы-удальцы, невода шелковые; пойдут в легких ладьях, изловят сизую утку и привезут ее к вам (*Воронов*: 20, Устюжинский у. Новгородской губ.).

- **птица** (ИРЛИ. Кол. 318F, 1003.01. Мезенский р-н Архангельской обл., 1975);
- **белая колпица** (*Агренева-Славянская*: 42, Олонецкая губ.);
- **белая Кал-птица** (*Колобов*: 61, Пудожский у. Олонецкой губ.);
- метафорическое описание, подразумевающее, что невеста превратилась в птицу: «[княгиня] пухом запушилась / И пером оперилась» (РГАЛИ. Ф. 1456. Оп. 1. Ед. хр. 46. Л. 4. Д. Речка, Заонежье, 1926).

2. Звери:

- **лисица**, 3 зап. (РГО. Р. 24. Оп. 1. Ед. хр. 33. Л. 112. Боровичский у. Новгородской губ., 1895; СыктГУ: 0720-35, с. Несь НАО, 1989; *Ефименко*: 130, г. Онега Архангельской губ.); вар. **красная лисица** (РГАЛИ. Ф. 1456. Оп. 1. Ед. хр. 5. Л. 39 об. Д. Потаневщина, Заонежье, 1926);
- **куница** (АКФ МГУ: ФЭ-11:1854, Лешуконский р-н Архангельской обл., 1976); вар.: **черная куница** (РГАЛИ. Ф. 1456. Оп. 1. Ед. хр. 5. Л. 39 об. Д. Потаневщина, Заонежье, 1926);
- **белая горностаюшка** (*Агренева-Славянская*: 43, Олонецкая губ.);
- **черная мышка** (*Малиновский*: 36, Каргопольский у. Олонецкой губ.);
- **зайка** (*Малиновский*: 36, Каргопольский у. Олонецкой губ.).

3. Рыбы:

- **щука**, 4 зап. (АКФ МГУ: ФЭ-11:1854, Лешуконский р-н Архангельской обл., 1976; АКФ МГУ: ФЭ-10:5606, ФЭ-10:5776-5778; ИРЛИ. Кол. 318F, 1003.01. Мезенский р-н Архангельской обл., 1975); вар.: **серая щука** (ИРЛИ. Кол. 318F, 1014.04. Мезенский р-н Архангельской обл., 1975);
- **рыбка-плотичка** (РЭМ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 131. Л. 4. Вологодский у. Вологодской губ., 1899);

• **уловная рыбинька** (*Агренева-Славянская*: 43, Олонецкая губ.).

4. Неодушевленные предметы:

• **кольцо** (АКФ МГУ: ФЭ-10:5776-5778, Мезенский р-н Архангельской обл., 1975)⁷.

Превратившись, невеста отправляется в / за:

1. Вода:

• **море**. [Улетела / ушла / укрылась / понеслась за / в / к] **синее море**, 9 зап. (РЭМ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 131. Л. 4. Вологодский у. Вологодской губ., 1899; ИРЛИ. Кол. 318Ф, 1003.01. Мезенский р-н Архангельской обл., 1975; АКФ МГУ: ФЭ-11:1854, Лешуконский р-н Архангельской обл., 1976; АКФ МГУ: ФЭ-10:5776-5778, Мезенский р-н Архангельской обл., 1975; *Агренева-Славянская*: 42, 43, 44, Олонецкая губ.; *Воронов*: 20, Устюжинский у. Новгородской губ.; *Колобов*: 60, Пудожский у. Олонецкой губ.; *Кузнецова, Логинов*: 158, д. Демеховская, Заонежье, 1986);

• [ушла] «в **сине озеро глубокое**» (ИРЛИ. Кол. 318Ф, 1003.01. Мезенский р-н Архангельской обл., 1975);

• [ушла] «в **воду**» (АКФ МГУ: ФЭ-10:5606, Мезенский р-н Архангельской обл., 1975).

2. **Поле**. [Ушла / убежала / улетела в / за] **чисто/-ое поле**, 5 зап. (АКФ МГУ: ФЭ-11:1854, Лешуконский р-н Архангельской обл., 1976; СыктГУ: 0720-35, с. Несь НАО, 1989; *Агренева-Славянская*: 42, 43, Олонецкая губ.; *Ефименко*: 130, г. Онега Архангельской губ.).

3. **Небо**. [Улетела по] **поднебесью**, 4 зап. (АКФ МГУ: ФЭ-10:5606, ФЭ-10:5776-5778, Мезенский р-н Архангельской обл., 1975; ИРЛИ. Кол. 318Ф, 1014.04. Мезенский р-н Архангельской обл., 1975; СыктГУ: 0720-35, с. Несь НАО, 1989).

⁷ Мотив превращения невесты в кольцо зарегистрирован также в рукописных записях 1915 г. из Пинежского у. Архангельской губ., сделанных О. Э. Озаровской [*Морева*: 118].

4. **Лес**. [Укатилась / убежала в] **лес** (вар.: **дремучи леса**), 2 зап. (РГО. Р. 24. Оп. 1. Ед. хр. 33. Л. 112. Боровичский у. Новгородской губ., 1895; *Агренева-Славянская*: 43, Олонецкая губ.).

5. **Острова**. [Поплыла / понеслася на] (рыболовные, Соловецкие) **острова**, 2 зап. (*Агренева-Славянская*: 43, 44, Олонецкая губ.).

6. **Горы** (**высокие**), 2 зап. (РГАЛИ. Ф. 1456. Оп. 1. Ед. хр. 46. Л. 5. Д. Речка, Заонежье, 1926; РГАЛИ. Ф. 1456. Оп. 1. Ед. хр. 5. Л. 39 об. Д. Потаневщина, Заонежье, 1926).

7. **Крыльцо** («укатилась под крыльцо»), 2 зап. (АКФ МГУ: ФЭ-10:5606, ФЭ-10:5776-5778, Мезенский р-н Архангельской обл., 1975).

Таким образом, невеста может превращаться в разных представителей орнито-, зоо-, ихтиофауны. Самым частотным является образ *белой лебеди*, отмеченный и в кижско-пудожской, и в мезенской традициях. Вторыми по частотности являются образ *щуки*, встречающийся в лешуконско-мезенских поздних записях 1970-х гг., и образ *лисицы*, имеющий более дисперсное распространение (Заонежье, Новгородская губ., НАО Архангельской обл.) и протяженное время фиксации (1895–1989). «Звериная» группа образов является самой многочисленной, хотя в ней по большей части представлены единичные номинации: *куница*, *горностаюшка*, *мышка*, *зайка*. В «птичьей» группе, помимо образа лебеди, отмечены *утка*, *колтица*, *Кал-птица*. В двух записях (Пинега, 1915, Мезень, 1975) невеста превращается в *кольцо*.

В перечне мест, куда отправляется превратившаяся невеста, называются локусы, имеющие в народных представлениях статус удаленного, опасного, чужого пространства: лес, море, озеро, поле, небо, острова, горы. Эти топографические объекты весьма редко обладают уточняющими характеристиками, однако море, как правило, *синее*, поле — *чистое*, горы — *высокие*. При описании места локации превратившейся невесты используется сказочная стилистика. Так, в заонежских записях встречается сказочное формульное выражение *тридевятъ земель*, которое в сказке означает 'сказочную удаленность

местонахождения' [Разумова: 128] и маркирует удаленное пространство как чужое, потенциально опасное⁸. Эта формула дополняется сочетаниями, дублирующими и усиливающими ее значение: «[Невеста = белая лебедь] Улетела за тридеведь полей / И за тридеведь морей, / И за тридеведь земель» (РГАЛИ. Ф. 1456. Оп. 1. Ед. хр. 5. Л. 4. Д. Кургеницы, Заонежье, 1926). Значение чужести, опасности «тридевятземельного» пространства усиливается с помощью адъективов *темный, дикий*: «[Кал-птица] Улетела за тридевят земель, / За тридевят морей, / За темные леса, / За дикие острова, / Повила теплые гнезда / И там поживает» (Колобов: 61, Пудожский у. Олонецкой губ.). Обращение к заговорной стилистике зафиксировано в единственной записи 1975 г. из Мезенского района Архангельской области. В ней констатируется, что невеста, превратившись в щуку, прячется от жениха в море под «серым камнем»: [невеста] «обернулась серой щукой, ушла в море под серой камень» (ИРЛИ. Кол. 318F, 1014.04, 1975). Цитированный фрагмент коррелирует с заговорами в части изображения места ссылки (например, болезни) как недосягаемого, недоступного⁹.

Описание процесса перемещения невесты встречается редко. Как правило, приговор повествует о ее действиях как совершенных (она «улетела», «ушла», «уплыла», «убежала»). В единичных текстах описание передвижения превратившейся невесты может охватывать вертикальный и горизонтальный уровни за счет использования наречных форм *высоко, далеко* («Поднялась высоко / И улетела далеко: / За леса и за реки / Улетела навеки» (РГАЛИ. Ф. 1456. Оп. 1. Ед. хр. 5. Л. 27. Д. Потаневщина, Заонежье, 1926)) или актуализируется только вертикальная структура организации пространства за счет

⁸ И. А. Разумова отмечает, что с утратой конкретной этимологии числительные «тридевят» и «тридесять» сохранили лишь общее значение — «чудесного» числительного; формулы с этими архаичными числительными относятся к элементам, которые используются для описания «иноного» мира [Разумова: 73].

⁹ Ср.: в заговоре, записанном в вилегодской локальной традиции, отмечен образ «дресвяного камня в синем море», под который опускаются «всякие скорби, болезни, притчи, уроки, щепоты, ломоты, камчуги, лишай, вороньи глаза, змеевчи, ногтовимща, живые волосья, всякие переполюхи...» (Крашенинникова: 26).

называния «верхних» и «нижних» точек (*горы — норы*) («Улетела за синее море, / Улетела за высокие горы, / И спряталась в большие норы» (РГАЛИ. Ф. 1456. Оп. 1. Ед. хр. 46. Л. 5. Д. Речка, Заонежье, 1926)).

Конечная точка пребывания невесты может быть никак не обозначена, в нашем корпусе таких текстов два: «улетела» (*Кузнецова, Логинов*: 150, д. Речка, Заонежье, 1983), «[лебедь] уплыла, незнамо куда и неведомо почто» (*Лысанов*: 87, Олонецкой губ.). Последняя реплика отсылает к волшебной сказке на сюжет «чудесная задача» (СУС 465А Красавица-жена («Пойди туда, не знаю куда»)).

Повествования о женихе и его ответных действиях отличаются по степени приложения усилий им самим и сопровождающей его дружины; с этой позиции тексты, связанные с женихом, делятся на две большие группы. В текстах первой группы разворачивается линия самостоятельного добывания женихом невесты. В них повествование развивается в двух вариантах. В первом — жених остается в человеческом облике и использует подручные средства для добывания невесты, в частности, различные виды оружия, охотничьи и рыболовные средства, т. е. предметы, которые относятся к мужской сфере деятельности. Эти «мужские» предметы являются маркерами исключительности жениха, некоторые из них он производит или создает сам (лук, «острые стрелы», «лодочка сосновая», «невода шелковые»): «Сшил он (князь молодой. — Ю. К.) лодочку сосновую, / Клал веселушки дубовые, / Навязал он невода шелковые, / Брал он плутьевки серебряны, / Поволочки позолочены / И поехал в синее он морюшко...» (*Агреева-Славянская*: 44, Олонецкая губ.; вар.: Там же: 45, та же губ.; *Лысанов*: 87, та же губ.). В единичной записи жених прибегает к помощи магического средства:

«...У нашего князя молодого

Есть **порошок** —

Не один вершок,

Кладывает прямо до кишок

И сбивает весь пушок» (РГАЛИ. Ф. 1456. Оп. 1.

Ед. хр. 46. Л. 4. Д. Речка, Заонежье, 1926).

Во втором варианте жених вслед за невестой совершает превращение. В пяти записях разворачивается описание процесса «парного оборотничества» (терм. Т. В. Краюшкиной [Краюшкина: 219]: жених превращается в **ясного сокола**, 3 зап. (РЭМ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 131. Л. 4. Вологодский у. Вологодской губ., 1899; РГАЛИ. Ф. 1456. Оп. 1. Ед. хр. 46. Л. 5. Д. Речка, Заонежье, 1926; *Агренева-Славянская*: 42, Олонецкая губ.), **окуня** (РЭМ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 131. Л. 4. Вологодский у. Вологодской губ., 1899), **охотничка** (*Агренева-Славянская*: 43, Олонецкая губ.). В двух поздних по времени фиксации записях тема превращения жениха реализуется имплицитно, в текстах нет четкого указания на то, кем он оборачивается, но жених улетает за невестой-лебедью и возвращает ее домой: «...**полетел** вслед белой лебеди / Он еси княжну молодую разыскал и домой доставил» (*Кузнецова, Логинов*: 150, д. Речка, Заонежье, 1983); «...[князь] бело умывшись, чисто одевшись, / за ней **слетал** (должна быть) она дома» (*Кузнецова, Логинов*: 158, д. Демеховская, Заонежье, 1986).

Способностью к изменению облика обладает и помощник жениха — свадебный дружка, правда, такой вариант превращения мы зафиксировали только в одной записи. В заонежском приговоре дружка, чтобы найти невесту, превращается в волка, и это описание отсылает к сказке «Царевич и серый волк» (СУС 550), в которой младший брат с помощью волка добывает жар-птицу, коня и царевну: «Повернусь я (дружка. — Ю. К.) волком, / Перепрыгну через горы, / Забегу я в эти норы, / Куницу разыщу, / Все равно не упущу» (РГАЛИ. Ф. 1456. Оп. 1. Ед. хр. 5. Л. 39 об. Д. Потаневщина, Заонежье, 1926).

В текстах второй группы жених при добывании невесты обращается за помощью. Все действия, связанные с поиском и поимкой превратившейся невесты, осуществляют помощники жениха — члены свадебного поезда или животные (принадлежность свадебному поезду или жениху подчеркивается с помощью сочетаний «[есть] у нас», [есть] у жениха):

1. охотник/-ки, 3 зап. (вар.: **хорошие охотнички**) (РГО. Р. 24. Оп. 1. Ед. хр. 33. Л. 112. Боровичский у. Новгородской губ., 1895; АКФ МГУ: ФЭ-10:5606, Мезенский р-н Архангельской обл., 1975; АКФ МГУ: ФЭ-11:1854, Лешуконский р-н Архангельской обл., 1976).

2. рыбаки (вар.: **готовые, толковы**) / **рыболовы** (вар.: **лучше того, удалцы**), 4 зап. (АКФ МГУ: ФЭ-11:1854, Лешуконский р-н Архангельской обл., 1976; АКФ МГУ: ФЭ-10:5606, ФЭ-10:5776-5778, Мезенский р-н Архангельской обл., 1975; *Воронцов*: 20, Устюжинский у. Новгородской губ.).

3. дружка / вар.: **дружки ловки** (АКФ МГУ: ФЭ-10:5776-5778, Мезенский р-н Архангельской обл., 1975; РГАЛИ. Ф. 1456. Оп. 1. Ед. хр. 5. Л. 39 об. Д. Потаневщина, Заонежье, 1926).

4. ходоки-мужики: «Каки-то у нас **ходоки** были, **мужики**, ей искали, нашли» (ИРЛИ. Кол. 318F, 1003.01. Мезенский р-н Архангельской обл., 1975).

5. животные: соколы (ясные соколы, два ясных сокола), которые «летают, рыскают» (*Ефименко*: 130, г. Онега Архангельской губ., СыктГУ: 0720-35, с. Несь НАО Архангельской обл., 1989), **псы** (вар.: **огромных два пса, псы кормленые**), которые «бегают, рыскают» (*Ефименко*: 130, г. Онега Архангельской губ.; СыктГУ: 0720-35, с. Несь НАО, 1989), **черный кот** (*Малиновский*: 36, Каргопольский у. Олонецкой губ.), **кони крылатые, собаки зубатые** (РГАЛИ. Ф. 1456. Оп. 1. Ед. хр. 5. Л. 4 об. Д. Кургеницы, Заонежье, 1926).

6. дружина храбрая, 3 зап., образ дружины не детализирован (*Колобов*: 60, 61, Пудожский у. Олонецкой губ.; АКФ МГУ: ФЭ-10:5776-5778, Мезенский р-н Архангельской обл., 1975). В одной записи собирательный образ дружины конкретизирован за счет весьма обширного перечня помощников жениха (людей, животных), а также подручных средств, предназначенных для поиска невесты:

«У нашего князя молодого
Служащих есть очень много:
Есть соколы ясные,
Орлы быстрыя,
Звери скакучие
И птицы летучии,
Лодки моторные,
Другие подводные,
Гончи собаки,
Конны казаки,
Ясно вам даны,

Есть аэропланы.
 На них летчики,
 Хорошие ответчики,
 Много расскажут.
 Если пойдут,
 Так кнегиню найдут»
 (РГАЛИ. Ф. 1456. Оп. 1. Ед. хр. 5. Лл. 27–27 об.
 Д. Потаневщина, Заонежье, 1926).

В единственной записи этой группы текстов жених получает помощь от незнакомца, т. е. волшебного помощника: в процессе поиска невесты жених встречает незнакомого ему охотника и спрашивает последнего о том, не видел ли он кого-нибудь. Тот отвечает:

«— Видал лебедь,
 Лебедь летела
 И на море села,
 На море села
 И жемчуг рассыпала.
 [Жених обращается к незнакомцу:]
 — Как не мошь ли
 Моему горю помочь.
 Как бы жемчуг мне собрать
 И княгыню увидеть.
Охотник говорит:
 — Это не горе,
 Что пала в море,
 Поймаем щучку
 И соберем жемчуг в кучку.
 Жемчуг собрали и княгыню поймали.
 Княгыню привели —
 Князю в руки отдали»
 (РГАЛИ. Ф. 1456. Оп. 1. Ед. хр. 46. Лл. 5–6.
 Д. Речка, Заонежье, 1926).

Собственно, так схематично выглядит мотив оборотничества в свадебных приговорах. А. К. Мореева, описывая «установившиеся мотивы и поэтические шаблоны в великорусских приговорах дружек» [Мореева: 112], отмечает, что мотив оборотничества является «общим как сказочному, так и былевому

эпосу» [Мореева: 118]. Исследователь, оперируя экспедиционными материалами О. Э. Озаровской из Пинежского у. Архангельской губ. 1915 г. и записями экспедиционной группы Ю. М. Соколова из Заонежья 1926 г. (хранятся в архиве РГАЛИ, опубл.: *Бахтина*: 97–150), отмечает, что в архангельском тексте девица оборачивается «то лебедью, то куницей, наконец, монахиной, рассыпается в скатный жемчуг и в заключение, обернувшись в кольцо, укатывается под крыльцо», в олонецком приговоре фигурируют лебедь, куница, рассыпавшийся жемчуг [Мореева: 118]. Вместе с тем мотив превращения девушки в «белую лебедь» А. К. Мореева называет наиболее устойчивым [Мореева: 118]. Как видим, исследователем не учтены тексты, в которых жених также проходит через превращение для получения невесты.

Близкие по реализации повествования с мотивом оборотничества обнаруживаются в севернорусских свадебных причитаниях, южнокарельском эпосе и волшебной сказке. Согласно В. П. Кузнецовой, мотив оборотничества в севернорусских свадебных причитаниях и волшебной сказке содержательно близки. В причитаниях мотив имеет «то же содержание, что и в волшебной сказке о бегстве и погоне с последовательными превращениями, где царевна обращается в звезду, уточку, в животных» [Кузнецова: 86]. В причитаниях «воля-красота» невесты или сама невеста оборачиваются белой лебедью, серой уткой, рыбой, жених — селезнем, соколом [Кузнецова: 82–86]. Из эпических жанров уместно упомянуть южнокарельскую версию сюжетной темы «Сватовство в Хийтоле» с поочередным превращением невесты и жениха. Согласно этой версии, невеста на пути в дом жениха пытается уйти от него, превращаясь в разных животных. Жених настигает убегающую от него невесту, превращаясь в антагониста тому зверьку, в которого превращается девушка: [невеста] «уйду ершом под камень» — [жених] «щучкой за тобою кинусь», [невеста] «улечу звездой на небо» — [жених] «ястребом я брошусь следом» [Киуру: 12–13]. В южнокарельских эпических песнях на сюжет «Ильмойллине сватается» девушка-невеста оборачивается ершом и бросается в море, а жених — щучкой или налимом (*Карельские эпические песни*: 329, 337, 343).

В волшебной сказке варианты реализации мотива весьма подробно анализирует Т. В. Краюшкина, которая выделяет разновидности сказочного оборотничества с точки зрения добровольности / невольности, активности / пассивности персонажа. Пассивность подразумевает помощь другого персонажа, при самостоятельном оборотничестве герой сам изменяет свой облик [Краюшкина: 185]; последнее характерно для свадебных приговоров. Т. В. Краюшкина рассматривает разные способы изменения облика (удар о землю или кнутом, кувырок, падение, с помощью волшебных предметов и проч.), полное и гибридное (преобразуются некоторые части тела) оборотничество, поэтапное и мгновенное, гендерное (с изменением пола персонажа), превращение человека в животное, птицу, земноводное, насекомое, неодушевленный предмет и, наконец, сохранение внешнего облика при изменении материала, т. е. окаменение [Краюшкина: 218–219].

Из всего многообразия вариантов реализации сказочного оборотничества нас интересует сюжет СУС 325 *Хитрая наука* с превращением двух персонажей — ученика, который пытается убежать, и колдуна, его учителя, предпринимающего усилия, чтобы поймать своего ученика. «Ученик и колдун принимают образы сокола и ястреба, окуня и щуки. Затем ученик превращается в кольцо...» [Краюшкина: 204]. Ученик и колдун оборачиваются в парные персонажи, процесс их превращения — поочередный, при котором изменение облика одного персонажа влечет за собой изменение облика другого [Краюшкина: 219], а «превращение живого в неодушевленный предмет» [Краюшкина: 205] — еще одна особенность этого сказочного сюжета. Исследователи отмечают, что сказки типа «Хитрая наука» были распространены среди карел и русских (*Карельские эпические песни*: 488). В частности, в южнокарельской традиции зафиксирована эпическая песня «Ильмойллине отправляет сына учиться» — единичный случай эпизации сказки с этим сюжетом (*Карельские эпические песни*: 488). В финальном эпизоде этой песни повествуется о нескольких превращениях сына кузнеца Ильмойллине, Дёхора, и его учителя. Так, Дёхор превращается в ерша и забирается под камень в лесном озере, а учитель, пытаясь его

догнать, оборачивается щукой; затем ерш оборачивается в кольцо, его забирает себе царская служанка, которая в итоге спасает сына кузнеца и выходит за него замуж (*Карельские эпические песни*: 249–250).

В таком изложении реализация мотива оборотничества в русских свадебных приговорах, пожалуй, более приближена к волшебной сказке; в сказке перечень образов оборотней более обширный в сравнении с причитаниями, а выполнение трудной задачи персонажем при добывании девушки, соперничество двух персонажей являются постоянным структурным элементом сказки. Возможно, саму идею и многообразие вариантов (образов превращений) приговор, как и причитание, заимствует у волшебной сказки, однако дальнейшее развитие мотива в речитативных и говорных жанрах свадьбы могло происходить параллельно¹⁰. По вербальной манифестации и стилистике тексты приговоров более близки свадебным причитаниям, и это объяснимо с точки зрения понимания свадебного обряда как сюжетного текста, как «диалога двух партий» [Левинтон: 213]. Оба текста свадьбы (мужской представлен в основном приговорами дружек, женский — причитаниями и песнями) «различаются не только “формально”, но и “содержательно”: системой оценок, “точкой зрения”, отдельными мотивами. При этом оба текста — это тексты “на одном языке”» [Левинтон: 213]. В свадебном обряде наиболее важные темы (прощание с девичеством, «получение» невесты, мотив вражды двух родов и др.) многократно «проговариваются» участниками ритуала в различных свадебных жанрах. В. П. Кузнецова говорит о повторении одних и тех же мотивов в текстах севернорусских свадебных причитаний и песен, объясняя это их определенным родством, а иногда и одинаковой функцией в обряде [Кузнецова: 142]¹¹.

¹⁰ О «параллельной разработке» в разных жанрах «общего в своих истоках фонда фольклорных тем, мотивов, представлений» пишет Б. Н. Путилов [Путилов, 1971: 152].

¹¹ Попутно заметим, что отсылки к сказочному эпосу наблюдаются в текстовой фактуре приговоров. Появление сказочной стилистики и топики в приговорах является по преимуществу приметой индивидуального стиля и мастерства конкретных исполнителей, такие фрагменты записаны, как правило, в единичных вариантах. Так, весьма редкий вариант описания дома невесты и его локализации: «*И подъехали мы, добры*

Таким образом, мотив оборотничества в свадебных приговорах в художественно-стилистическом плане близок свадебным причитаниям и волшебной сказке. Вслед за В. П. Кузнецовой предполагаем, что этот мотив был заимствован свадебными жанрами из сказки, однако, по нашим наблюдениям, дальнейшее его развитие в речитативных и говорных жанрах свадьбы могло происходить параллельно и с разной степенью разработанности и детальности. Для текстов приговоров характерно самостоятельное добровольное превращение невесты и жениха, невеста всегда проходит через превращение или серию превращений, жених для получения невесты остается в человеческом облике или превращается вслед за ней (парное оборотничество). Невеста обращается в разных представителей орнито-, зоо-, ихтиофауны. Самым частотным является образ *белой лебеди*, отмеченный и в кижско-пудожской, и в мезенской традициях. Вторые по частотности — образ *щуки*, отмеченный в лешуконско-мезенских поздних записях 1970-х гг., и образ *лисицы*, имеющий более дисперсное распространение и протяженное время фиксации. Превращение девушки-невесты в *кольцо* — еще одна особенность мотива оборотничества, которая сближает приговор

молодцы, / Под иноземное царство, / Могучее и славное государство. / В том царстве стены белокаменные, / И ворота все заперты» (РНБ. Q XVII. № 230. Л. 37 об. Устюжский у. Вологодской губ., 1841): в нем обыгрываются главные сюжетные темы приговоров «дальней дороги за невестой — дороги в иной мир», «трудность получения невесты». Тема выбора поезжанами правильного пути отмечена в записи из Череповецкого у.: «[нам] наказали: вправо отвернешь — в сыр бор уйдешь, а влево повернешь — ни пути, ни дороги там нет. Поезжайте прямо...» (РЭМ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 815. Л. 9. Череповецкий у. Новгородской губ., 1899). Описание продвижения дружки в дом невесты отсылает к сказочным текстам с изображением передвижения чудесного помощника: «на всех ногах несется не зверь мохнатый, а это дружка богатый: полем идет — потрескивает, деревней идет — поглядывает, оградой идет — посвистывает, по лесенке идет — постукивает, за скобу берется — потенькивает, а в избу взойдет — посматривает...» (РГАЛИ. Ф. 342. Оп. 2. Ед. хр. 78. Л. 39 об. Ветлужский у. Костромской губ., 1902). Жених, отыскивая превращенную в белую лебедь невесту, встает рано утром, умывается, обувает волшебную обувь — сапоги-скороходы: «Поутру вставал ранёшенько, / Умывался белёшенько, / Утирался чистёшенько, / Обувал сапоги-скороходы, / Отыскивал коней крылатых, / Собак зубатых...» (РГАЛИ. Ф. 1456. Оп. 1. Ед. хр. 5. Л. 4 об. Д. Кургеницы, Заонежье, 1926).

и сказку. Действия жениха в мотиве оборотничества различаются по степени приложения им усилий — жених самостоятельно добывает невесту или привлекает помощников, с которыми связан отношениями знакомства, родства (поездане, дружка, дружина) или случайной встречей, состоявшейся в процессе поиска невесты (образ чудесного помощника). Использование чудесных средств, волшебных предметов или содействие волшебного помощника встречаются в записях приговоров редко, эти образы являются по преимуществу приметой индивидуального стиля и мастерства конкретных исполнителей, такие тексты записаны, как правило, в единичных вариантах.

Сокращения

АКФ МГУ — архив кафедры фольклора Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова

ИРЛИ — фольклорный архив Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН

НАО — Ненецкий автономный округ Архангельской области

РГАЛИ — Российский государственный архив литературы и искусства

РГО — архив Русского географического общества

РНБ — Российская национальная библиотека, отдел рукописей и редких книг

РЭМ — архив Российского этнографического музея

СыктГУ — фольклорный архив Сыктывкарского государственного университета им. Питирима Сорокина

Источники

Агренева-Славянская — Агренева-Славянская О. Х. Описание русской крестьянской свадьбы, с текстом и песнями: обрядовыми, голосильными, причитальными и завывальными: в 3 ч. Ч. 1. Описание всех обрядов со дня сватовства и до дня свадьбы. М., 1887; Ч. 2. Описание всех обрядов свадебного дня. Тверь, 1887; Ч. 3. Плачи и причитания по умершим и по рекрутам; стихи великопостные; былины и легенды; старинные песни и величания; сказки, загадки, пословицы и прибаутки (с текстом и мелодиями). Тверь, 1889.

Бахтина — Неизданные материалы экспедиции Б. М. и Ю. М. Соколовых. 1926–1928. По следам Рыбникова и Гильфердинга: в 2 т. Т. 2. Народная драма. Свадебная поэзия. Необрядовая лирика. Частушки. Сказки и несказочная проза. Творчество крестьян / вступ. ст., подгот. текстов, науч. коммент., приложений, справочного аппарата В. А. Бахтиной. М., 2011. 768 с.

Воронов — Воронов Г. Крестьянские свадьбы в Устюжинском уезде Новгородской губернии. Новгород, 1897. 27 с.

Ефименко — Ефименко П. С. Материалы по этнографии русско-го населения Архангельской губернии. Свадебные обряды // Труды Этнографического отдела Императорского Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии при Моск. ун-те. М.: Тип. Ф. Б. Миллера, 1877. Кн. 5. Вып. 1. С. 74–132.

Карельские этические песни — Карельские эпические песни / предисл., подгот. текстов и коммент. В. Я. Евсеева. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950. 527 с.

Колобов — Колобов И. В. Русская свадьба Олонецкой губернии, Пудожского уезда, Корбозерской волости // Живая старина. СПб., 1915. Вып. 1–2.

Крашенинникова — Заговоры Вилегодского района Архангельской области / публ. Ю. А. Крашенинниковой // Живая старина. 2001. № 3. С. 25–29.

Кузнецова, Логинов — Кузнецова В. П., Логинов К. К. Русская свадьба Заонежья (конец XIX — начало XX в.). Петрозаводск, 2001. 328 с.

Лысанов — Лысанов В. Д. Досюльская свадьба. Песни, игры и танцы в Заонежье Олонецкой губ. Петрозаводск, 1916. 148 с.

Малиновский — Малиновский Н. Свадебные обычаи в Воезерском приходе Каргопольского уезда // Олонецкий сборник. Материалы для истории, географии, статистики и этнографии Олонецкого края. Петрозаводск, 1886. Вып. 2. С. 35–39.

СУС — Сравнительный указатель сюжетов: восточнославянская сказка / сост. Л. Г. Бараг, И. П. Березовский, К. П. Кабашников, Н. В. Новиков. Л., 1979. 437 с.

Список литературы

1. Киуру Э. С. Тема добывания жены в эпических рунах. К семантике поэтических образов / науч. ред. Б. Н. Путилов. Петрозаводск: КарНЦ РАН, 1993. 132 с.

2. Крашенинникова Ю. А. Свадебные байки Виледи в Архангельской области в контексте смеховой культуры и обрядового фольклора // *Przegląd Rusycystyczny*. 2019. № 1 (165). С. 10–20.
3. Краюшкина Т. В. Мотивы тела и телесных состояний человека в русских народных волшебных сказках Сибири и Дальнего Востока. Владивосток: Дальнаука, 2009. 338 с.
4. Кузнецова В. П. Причитания в северно-русском свадебном обряде. Петрозаводск: КарНЦ РАН, 1993. 180 с.
5. Левинтон Г. А. Мужской и женский текст в свадебном обряде (свадьба как диалог) // *Этнические стереотипы мужского и женского поведения*. СПб.: Наука, 1991. С. 210–234.
6. Миллер О. Ф. [Рецензия] // *Русская Старина*. Т. LXIII. Кн. IX. Сентябрь. 1889 [Электронный ресурс]. URL: http://az.lib.ru/m/miller_o_f/text_1889_opisaine_russkoi_svadby_olderfo.shtml (26.01.2022).
7. Мореева А. К. Традиционные формулы в приговорах свадебных дружек // *Художественный фольклор*. М., 1927. Вып. II–III. С. 112–129.
8. Путилов Б. Н. Русский и южнославянский героический эпос. Сравнительно-типологическое исследование. М.: Наука, 1971. 315 с.
9. Путилов Б. Н. О процессе жанрообразования в фольклоре // *Актуальные проблемы современной фольклористики: сб. ст. и мат-лов*. Л.: Музыка, 1980. С. 197–199.
10. Путилов Б. Н. Фольклор и народная культура; In *memoriam*. СПб.: Петерб. востоковедение, 2003. 457 с.
11. Разумова И. А. Стилистическая обрядность русской волшебной сказки. Петрозаводск: Карелия, 1991. 163 с.

References

1. Kiuru E. S. *Tema dobyvaniya zheny v epicheskikh runakh. K semantike poeticheskikh obrazov* [The Theme of Getting a Wife in Epic Runes. To the Semantics of Poetic Images]. Petrozavodsk, Karelian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences Publ., 1993. 132 p. (In Russ.)
2. Krasheninnikova Yu. A. Wedding Fables of the Vilegodsky District of the Arkhangelsk Region in the Context of Humorous Culture and Ceremonial Folklore. In: *Przegląd Rusycystyczny* [Russian Review], 2019, no. 1 (165), pp. 10–20. (In Russ.)
3. Krayushkina T. V. *Motivy tela i telesnykh sostoyaniy cheloveka v russkikh narodnykh volshebnykh skazkakh Sibiri i Dal'nego Vostoka* [The Motifs of the Human Body and Bodily States in Russian Folk Fairy Tales of Siberia and the Far East]. Vladivostok, Dal'nauka Publ., 2009. 338 p. (In Russ.)
4. Kuznetsova V. P. *Prichitaniya v severno-russkom svadebnom obryade* [Lamentations in the Northern Russian Wedding Ceremony]. Petrozavodsk, Karelian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences Publ., 1993. 180 p. (In Russ.)
5. Levinton G. A. Male and Female Text in the Wedding Ceremony (Wedding as a Dialogue). In: *Etnicheskie stereotipy muzhskogo i zhenskogo povedeniya*

- [*Ethnic Stereotypes of Male and Female Behavior*]. St. Petersburg, Nauka Publ., 1991, pp. 210–234. (In Russ.)
6. Miller O. F. Review. In: *Russkaya Starina* [*Russian Antiquity*], 1889, vol. 63, no. 9, September. Available at: http://az.lib.ru/m/miller_o_f/text_1889_opisaine_russkoi_svadby_olderfo.shtml (accessed on January 26, 2022). (In Russ.)
  7. Moreeva A. K. Traditional Formulas in Groomsman's Speeches. In: *Khudozhestvennyy fol'klor* [*Art Folklore*]. Moscow, 1927, issue 2–3, pp. 112–129. (In Russ.)
  8. Putilov B. N. *Russkiy i yuzhnoslavyanskiy geroicheskiy epos. Sravnitelno-tipologicheskoe issledovanie* [*Russian and South Slavic Heroic Epic. Comparative Typological Research*]. Moscow, Nauka Publ., 1971. 315 p. (In Russ.)
  9. Putilov B. N. About the Process of Genre Formation in Folklore. In: *Aktual'nye problemy sovremennoy fol'kloristiki. Sbornik statey i materialov* [*Actual Problems of Modern Folklore Studies. Collection of Articles and Materials*]. Leningrad, Muzyka Publ., 1980, pp. 197–199. (In Russ.)
  10. Putilov B. N. *Fol'klor i narodnaya kul'tura; In memoriam* [*Folklore and Folk Culture; In memoriam*]. St. Petersburg, Peterburgskoe vostokovedenie Publ., 2003. 457 p. (In Russ.)
  11. Razumova I. A. *Stilisticheskaya obryadnost' russkoy volshebnoy skazki* [*Stylistic Ceremonialism of the Russian Fairy Tale*]. Petrozavodsk, Kareliya Publ., 1991. 163 p. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Крашенинникова Юлия Андреевна, Yulia A. Krasheninnikova, PhD кандидат филологических наук, (Philology), Lead Researcher, Head of ведущий научный сотрудник, за- Folklore Department, The Institute of вующая сектором фольклора, Language, Literature and History Fede- Институт языка, литературы и ис- ral Research Center of Komi Scientific тории ФИЦ Коми НЦ УрО РАН Center of Ural Branch of The Russian (ул. Коммунистическая, 26, г. Сык- Academy of Sciences (ul. Kommunisti- тывкар, Республика Коми, Россий- cheskaya 26, Syktyvkar, 167982, Komi ская Федерация, 167982); ORCID: Republic, Russian Federation); ORCID: 0000-0002-2045-4486; e-mail: 0000-0002-2045-4486; e-mail: krasheninnikova@rambler.ru. krasheninnikova@rambler.ru.

Поступила в редакцию / Received 09.03.2022

Поступила после рецензирования и доработки / Revised 10.06.2022

Принята к публикации / Accepted 24.06.2022

Дата публикации / Date of publication 12.09.2022